

Василий Головачёв

УКРОЩЕНИЕ ЗВЕРЯ

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г61

Миры Василия Головачёва

Головачёв, В.В.

Г61 Укрощение зверя / В.В. Головачёв — М. : Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2018. — 572 с. — (Евангелие от зверя).

С уничтожением Храма Морока противостояние Темных и Светлых сил на русской земле не заканчивается. Более того, проникая во властные структуры и захватывая политические посты, эмиссары Зла приобретают всё большее влияние и получают возможности для воздействия на души тысяч людей. Хранители Рода в тревоге. И не напрасно. Выжившие после битвы адепты Чернобога уже готовы вновь восстановить Врата Зверя и впустить его в реальный мир. А вот готовы ли защитники к новой сече?

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-66270-3

© Василий Головачёв, 1998
© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

*Вы, кто любите природу –
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, –
Вам принес я эти саги...*

Лонгфелло

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений,
Возникнет праведная Русь.
Я за нее одну молюсь.*

М. Волошин

Глава 1

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Снегопад кончился, выглянуло солнышко, и все вокруг заискрилось, заиграло сотнями радуг, засверкало драгоценными камнями, так что на пушистые снежные холмики и поляны больно было смотреть.

Ростислав Видеев вдохнул всей грудью чистый морозный воздух, посмотрел на солнце – не щурясь, и направился в обход погоста, сунув руки в карманы зипуна, как это делал почти каждый день по утрам, после занятий с ризничим, перед тем как сесть за икону.

Ростиславу исполнилось восемнадцать лет. Родителей он не знал, и воспитывали юношу сначала в детском доме, а когда детдом упразднили чиновничьим повелением, за воспитание отрока взялись монахи церкви Георгия Победоносца, расположенной в деревне Сено, в километре от поселка Новый Изборск Псковской губернии. Там Ростислав прижился, закончил школу и стал богомазом, или, говоря современным языком,

иконописцем. В настоящее время он заканчивал писать большую икону Пресвятой Богородицы. Отцы местной церкви уже успели пустить о ней слух как об иконе – спасительнице земли от террора и скверны.

Икона же действительно впечатляла. Ее высота достигала двух с половиной метров, а изображена на ней была Богоматерь в полный рост, держащая одной рукой младенца Иисуса, под ногами ее – земной шар, а на нем египетские пирамиды, Тадж-Махал, Кремль и другие чудеса света, символизирующие нации и целые цивилизации.

В правом нижнем углу иконы Ростислав поместил золото, в которое должна была уползти нечисть. Фоном являлся венок из полевых цветов, соединяющий небесную и земную сферы, сквозь который проглядывал лик Бога. Другой рукой Богородица опиралась на расцветший жезл – символ очищения души. Охватывал икону рунический орнамент, по мысли иконописца символизирующий торжество жизни над смертью, добра над злом.

Вопрос – зачем ему это надо? – Ростислав себе не задавал. Он свято верил, что делает благое дело по зову души. К тому же он знал, что испокон веков чудотворные иконы защищали Русскую землю, и верил, что его творение послужит добру и свету.

Тропинку в снегу, протоптанную им же вокруг погоста, замело, пришлось прокладывать новую. Ноги в стареньких ботинках замерзли, однако Ростислав не стал отказываться от прогулки. Душа просила тихих размышлений.

Старое церковное кладбище, заросшее ракетами, березками и кустарником, располагалось в центре

села, на возвышенности, рядом с церковью, звонницей и малыми пристройками. Сама церковь была построена еще в тысяча пятьсот шестьдесят втором году и представляла собой крепкое, четырехстолпное, трехапсидное сооружение с одной главкой синего цвета над четырехскатной кровлей, отделанной декоративным узором. Традиционное членение фасада широкими лопатками придавало церкви торжественный вид.

Полюбовавшись красивым силуэтом строения, Ростислав бросил взгляд на двадцатиметровую звонницу, стоящую на квадратном основании, с массивной двухпролетной арочной стенкой с колоколами, и побрел мимо оригинальных волнистых ворот кладбища, в обход ограды, вокруг погоста, забирая к северу. Перешел улицу с редкими по причине чувствительного морозца прохожими, начал спускаться к ближайшему пруду, самому большому из имеющихся трех, замерзших, покрытых льдом и засыпанных снегом.

Внезапно его окликнули:

– Эй, паря, погодь.

Ростислав оглянулся.

Его догоняли двое прохожих, которых он заметил на улице.

Один был плотен, кряжист, одет в черный полушубок и черные плотные штаны. На голове меховая шапка, на ногах сапоги. Густая черная борода, квадратное лицо, мощные брови, глаза-буравчики.

Второй был помоложе и одет современнее, в блестящую зеленоватую куртку со множеством молний и кармашков, в джинсы и зимние ботинки с пряжками в

виде паучков. На голове плоская кепка с меховым отворотом. В ухе серьга из белого металла. Бледен, гладко брит, скулы острые, рот пуговкой и бегающие глаза.

– Чей будешь? – угрюмым басом спросил, подходя, мужик в полушубке.

Ростислав обратил внимание на его правую руку без перчатки: ноготь на большом пальце был черным, а на указательном пальце красовался перстень в форме змеи. Точно такой же перстень имел и молодой спутник бородача.

– Ничей я, – улыбнулся Ростислав. – При церкви живу.

– Видеев твоя фамилия?

– Да он это, иконорез, – повел плечом молодой, сверкнув бледно-серыми злобными глазами. – Х-художник, бля, век воли не видать.

– Не лайся зря, – прогудел бородач недовольно.

– А что будет? – ухмыльнулся парень. – Ты Хрису пожалуешься? Или самому Господину?

– Извините, – стесненно проговорил Ростислав. – Если вам ничего от меня не нужно...

– Очень даже нужно, – снова ухмыльнулся незнакомец в куртке. – Говорят, ты иконы красивые пишешь?

Ростислав порозовел.

– Дело не в красоте...

– Это уж точно. Можешь показать?

– Она в приделе стоит, рядом с церковью.

– Вот и покажи, а мы оценим.

– Оставь, Ефим! – буркнул бородач. – Некогда нам иконами любоваться. *Дело делай.*

– Так, может, это не он – ожидаемый рунник. Да и молод больно.

– Сказано – гасить всех под второй десяткой, значит, будем гасить. Тебе сколько годков, малый?

– Восемнадцать.

– Вот, то, что надо. Сполняй волю Хриса.

– Сам-то что ж?

Глаза бородача налились чернотой, метнули молнии.

Его спутник передернул плечами, выдавил бледный смешок.

– Ладно, ладно, не дави на психику, я пошутил. – Он поднял перед собой руку с перстнем. – Да придет Тот, Чье Имя Будет Произнесено!

– Что вам надо? – хотел еще раз спросить Ростислав, но опоздал.

Перстень на пальце молодого спутника бородача налился фиолетово-сиреневым сиянием и метнул в монашеского воспитанника неяркий шарик света.

Ростислав отшатнулся, но шарик вильнул, вонзился ему в грудь, и Ростислав почувствовал ледяной удар, застыл, парализованный, оглохший и ослепший.

Бородач повернулся к нему спиной, двинулся к дороге, разгребая сапогами снег. На дороге появилась машина – серая «Мазда-6», остановилась у бордюра.

Бородач достиг машины, открыл заднюю дверцу, оглянулся.

– Чего стоишь?

Молодой человек в куртке наставил на застывшего с открытым ртом Ростислава палец:

– Пу!

Словно дождавшись этого слова, иконописец мягко завалился лицом в снег, раскинув руки.

Напарник бородача быстро запрыгал по снегу назад, к дороге, сел в машину. Оба посмотрели на неподвижно лежащего в снежном сугробе парня.

– Готов? – спросил их водитель, похожий обликом на монаха.

– Верняк, – осклабился молодец в куртке. – Даже если очнется, забудет все, что знал. Хотя я бы гасил их попроще: удар ножом в шею – и каюк.

Бородач промолчал.

«Мазда» рванула с места, набирая скорость.

Солнце снова закрыли тучи, начался снегопад. Но лежащий на обочине Ростислав Видеев не пошевелился. Сердце его остановилось.